

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: 10.31857/S086919080009104-1

АРАБСКИЕ ОБЩЕСТВА ЭПОХИ НЕОМОДЕРНА:
ПОИСК НОВЫХ ЕДИНСТВ

© 2020

В.А. КУЗНЕЦОВ ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3646-4037
vasiakuznets@yandex.ru

Резюме: Статья посвящена проблеме преодоления социально-политических фрагментаций арабских обществ в современную эпоху. Теоретической основой исследования служит развиваемая автором концепция неомодерна, согласно которой одним из элементов неомодернистской эпохи, приходящей на смену постмодерну, является преодоление характерной для последнего времени тенденции к тотальной фрагментации.

Статья состоит из трех разделов. Первый носит теоретический характер. В нем анализируется проблема фрагментации в рамках постмодернистской теории (Ж.Ф. Лиотар, З. Бауман, Ф. Джеймисон), описываются неомодернистская идея поиска новых единств и возможности ее применения к социально-политической реальности.

Во втором рассматриваются четыре основные линии социально-политической фрагментации арабских обществ, сформировавшиеся еще в период генезиса современной арабской государственности и ставшие одними из причин ее кризисов в 2010-е гг. Речь идет о собственно политической, этноконфессиональной и трайбалистской, территориальной и идеологической фрагментированности. При их рассмотрении автор обращается к теориям множественности государств (С.Ф. Фарсум), глубоко разделенных обществ (А. Гелке, В.В. Наумкин) и социальных порядков (Д. Норт). На конкретных примерах показывается, как изначально заложенные линии фрагментации нашли свое проявление в актуальной политической реальности.

В третьем разделе показывается, как в 2010-е гг. в арабских странах наметилась тенденция к поиску новых единств и преодоления фрагментированности по каждой из обозначенных линий. Эти поиски могут вестись как через укрепление государственности и улучшение систем управления, так и через конфликты. Отмечается, что поиск новых единств не означает возвращения к ситуации модерна (сер. XX в.), но предполагает либо связывание воедино распадающихся структур, либо же их окончательное разрушение и формирование на их месте новых, принципиально отличных от существовавших в более раннюю эпоху.

Ключевые слова: постмодернизм, неомодернизм, Арабский мир, Ближний Восток, фрагментация.

Для цитирования: Кузнецов В.А. Арабские общества эпохи неомодерна: поиск новых единств. *Восток (Oriens)*, 2020. № 2. С. 28–40. DOI: 10.31857/S086919080009104-1

ARAB SOCIETIES OF NEOMODERNITY: SEEKING FOR NEW UNITIES

© 2020

Vasily A. KUZNETSOV ^a

^a – Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3646-4037
vasiakuznets@yandex.ru

Abstract: *This article is dedicated to the social and political fragmentation of contemporary Arab societies and the ways to solve this issue. The theoretical foundation of the research is based on the neomodern concept developed by the author. According to it, one of the key elements of the neomodernity era, which is currently replacing the postmodernity, is overcoming the total fragmentation tendency of the recent years.*

The article consists of three parts. Part 1 is theoretical, dedicated to the analysis of fragmentation issue within the framework of postmodern theories (by J.F. Lyotard, Z. Bauman, F. Jameson). It describes the neomodern concept of seeking new unities and opportunities to apply it to social and political reality.

Part 2 looks into four major directions of social and political fragmentation in the Arab societies dating back to the period when modern Arab states had formed and leading to the statehood crisis of 2010s. More precisely, the types of this tendency include specifically political fragmentation, ethnic, religious, and tribal divisions, territorial controversies and ideological differences. Researching them, the author refers to such concepts as multiple states (S. Farsoum); deeply divided societies (A. Gelke, V.V. Naumkin) and social orders (D. North). Specific examples demonstrate how initial fragmentation lines influence the current political reality.

Part 3 shows the tendency to seek new unities and overcome all types of fragmentation emerging in the Arab nations in 2010s. This search may be carried out both by strengthening the state, upgrading the government structures, and by conflicts. The author points out that the search for new unities does not mean returning to modernity era (mid-20th century); moreover, it means either unifying structures crumbling into pieces or totally destroying them, later forming brand new ones, conceptually different from systems of previous eras.

Keywords: postmodernity, neomodernity, Arab world, Middle East, fragmentation.

For citation: Kuznetsov V.A. Arab Societies of Neomodernity: Seeking for New Unities. *Vostok (Oriens)*, 2020. No 2. Pp. 28–40. DOI: 10.31857/S086919080009104-1

В последние годы тезис о необыкновенном уровне фрагментации арабских и вообще ближневосточных обществ и государств стал едва ли не общепринятым. Так, он проходил красной нитью через значительную часть дискуссий на состоявшемся в январе 2020 г. IX Ближневосточном диалоге Международного дискуссионного клуба «Валдай», традиционно организуемом клубом совместно с Институтом востоковедения РАН [Труевцев, 2020]. Развивая его, некоторые эксперты и вовсе доходили до утверждения о полной несостоятельности идеи национального государства на Ближнем Востоке [Труевцев, 2020].

Вместе с тем, как представляется, автоматически повторяемый раз за разом тезис этот довольно уязвим и как минимум нуждается в серьезной рефлексии. Имеем ли мы здесь дело с результатом серьезного анализа политической реальности, или же речь идет об использовании поэтической метафоры, удачной или не очень? Что конкретно означает этот тезис применительно к актуальным процессам в Западной Азии и Северной Африки? И наконец, насколько актуально его выдвижение сегодня?

В настоящей статье мы намереваемся предложить альтернативную интерпретацию проблемы социально-политической фрагментации арабских обществ в свете развиваемой нами концепции неомодерна [Kuznetsov, 2019].

ПРЕОДОЛЕНИЕ ФРАГМЕНТАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ НЕОМОДЕРНА

Как таковая, фрагментация обычно понимается как процесс разделения чего-либо на ряд изолированных элементов. Поскольку это означает угрозу устойчивости и целостности системы, то зачастую при использовании системного подхода этот процесс автоматически рассматривается как негативный. Вопрос, однако, состоит в том, о какой именно системе идет речь. О.Д. Белоброва, противопоставляя друг другу политическую и соци-

альные системы, отмечает, что применительно к первой под фрагментацией подразумевается обычно кризис управляемости, в случае же со второй единого определения не существует. Полагая, что в целом два этих феномена имеют друг с другом мало общего, она отмечает далее, что если политическая фрагментация безусловно негативна, то социальная «может способствовать некоторому улучшению [общественной] атмосферы во время кризисов и общественной конфронтации, предоставляя индивидуумам или группам людей средства преодоления конфликтов» [Белоброва, 2016, с. 58].

При всей оригинальности подобной оценки представляется, что она не вполне учитывает тесную взаимосвязь между социальными и политическими процессами, делающую расщепление единой социально-политической реальности на две составляющие едва ли продуктивной. Если же социально-политическое пространство рассматривать в его единстве, то имеет смысл говорить о нескольких возможных измерениях его структуры и соответственно о множестве возможных линий фрагментации, не ограничиваясь навязанной дихотомией и так или иначе подразумеваемыми ей этическими оценками.

Идея фрагментации была одной из важных составляющих постмодернистской теории. Логически вытекавшая из известного тезиса Ж.-Ф. Лиотара о конце метанарративов (или о недоверии к ним) [Лиотар, 1998, с. 10], она далеко не всегда подробно описывалась авторами-постмодернистами, хотя, кажется, почти всегда ими подразумевалась. Те или иные теоретики могли спорить о том, какое понятие лучше описывает их идею, но в целом речь всегда шла об одном и том же – об уничтожении универсальности и тотальности, характерных для допостмодерных времен, замене единого «Проекта» модерна множеством постмодернистских проектов [Бауман, 1994]. При этом некоторые из исследователей полагали, что понятия «фрагментация» недостаточно для характеристики описываемого ими явления. Так, один из наиболее авторитетных исследователей постмодернизма, Фр. Джеймисон, отвергал это понятие, поскольку «теперь вопрос уже заключается не в разбиении какого-то ранее существовавшего органического порядка, а, скорее, в новом и неожиданном появлении множества не связанных друг с другом цепочек событий, типов дискурсов, способов классификации и подразделений реальности» [Джеймисон, 2019, с. 713].

Спор о терминах – будь то расщепление или шизофрения субъекта, сегментация или даже атомизация общества – имеет мало значения в контексте настоящей статьи. Процессы, описывавшиеся Лиотаром, Джеймисоном, Бауманом и другими, в теории должны были вести к освобождению субъекта. Однако на практике, перенесенные в социально-политическую сферу, они стали означать нечто совершенно иное. Провозглашенный находившимся под косвенным [Fukuuyama, 2018] влиянием постмодернистской мысли Ф. Фукуямой «конец истории» [Павлов, 2019, с. 110–112] на практике обернулся не тотальным торжеством демократии и либерализма, а чем-то совершенно иным: снижением роли национальных государств в мировой политике, усилением негосударственных акторов, появлением альтернативных моделей организации политических пространств, кризисом традиционных политических субъектов, формированием феномена «нелиберальных демократий» [Закария, 2004], реактуализацией традиционных идентичностей и т.п. Все вместе это означало фрагментацию и кризис социально-политических систем. Путь к освобождению стал одновременно путем к «безопорности» субъекта, к ощущению бесприютности, к небезопасности, следствием чего и стала секьюритизация мира, характерная для международно-политической реальности последних лет. Характерно, что некоторые из провозвестников постмодернизма, такие как З. Бауман, в последних своих работах, опубликованных уже в XXI в., также стали склоняться к этой идее [Бауман, 2005, с. 27], а Ф. Фукуяма выдвинул идею о необходимости возвращения сильного государства [Фукуяма, 2006].

С точки зрения концепции неомодернизма, в 2010-е гг. эпохе тотализирующей фрагментации наступил конец, а идущее ей на смену время неомодерна характеризуется стремлением к обретению новых единств, попытками возвращения той целостности модерна, что была утрачена в предыдущие десятилетия. Размышляя о свойственном эпохе модерна «административном» отношении к миру, З. Бауман писал: «...моделируемый мир целостен, а это значит, что он содержит все существенное для продолжения своего бытия. Говоря точнее, всё, чего он не содержит, несущественно и может не приниматься в расчет. Для социологии такой целостностью было общество, открыто либо молчаливо отождествляемое последние сто лет с национальным государством – самым большим из миров, наделенных авторитетом для постановки задач и способных к успешной координации усилий, которые требуются для их реализации. И была культура, также чаще всего понимаемая как культура совокупности, управляемой полностью либо частично суверенной властью, – культура как широчайшее собрание верований и навыков поведения, делающих возможной координацию усилий» [Бауман, 1994, с. 70].

Понятно, что неомодернизм не предполагает автоматического упразднения всего постмодернистского опыта, возвращения человечества на полвека назад и восстановления скомпрометированных постмодернистской критикой социально-политических систем. Речь о другом – о формировании новых относительно устойчивых систем, функционирование которых учитывало бы постмодернистскую критику метанарративов.

В политике это означает не восстановление старых единств, но поиск новых, причем на самых разных уровнях – общественных, национальных, субрегиональных, региональных, трансрегиональных, а также на глобальном. Это, в свою очередь, естественно подталкивает конкуренцию различных проектов – как интеграционных, так и сепаратистских. В качестве примеров можно привести не только Брекзит или региональный сепаратизм в различных европейских государствах, но и интеграционные процессы на постсоветском пространстве, конкуренцию концепций АТР и ИТР в Азии, а также вновь ставший актуальным в мировой политике дискурс национального суверенитета [Ильин, 2011; Акоров, Krivokhizh, 2019]. Все эти проекты, сосуществуя в едином социально-политическом пространстве, и конкурируя друг с другом, создают постоянное напряжение системы, сама текучесть и изменчивость которой позволяет ей оставаться устойчивой.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ АРАБСКИХ ОБЩЕСТВ КАК ИСТОЧНИК ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В предлагаемой в настоящей статье парадигме социально-политическая фрагментация должна рассматриваться вовсе не как результат трансформационных процессов, охвативших арабский мир в 2010-е гг., а как один из важнейших их источников. Будучи результатом развития той модели государственности, что сложилась на Ближнем Востоке в XX в. в ходе процессов деколонизации и формирования независимых государств, она имела, по меньшей мере, четыре измерения: собственно политическое, этноконфессиональное и трайбалистское, территориальное и идеологическое.

Собственно политическая фрагментация может быть описана через призму теории «множественного государства» (multiple state), к которой, в частности, обращается С.Ф. Фарсум [Farsoum, 2006, p. 20–21]. Согласно этой теории, специфика развития арабской политической модели, связанная с наличием серьезных институциональных и общественных дисбалансов, привела к выстраиванию замкнутых и мало связанных друг с другом политических пространств. Фарсум описывает три таких пространства: связанное с традиционной бюрократией «историческое государство», технократическое и ориентированное на местную буржуазию «современное государство» и репрессивный аппарат. Действующие в каждом из них социальные группы объединены общей политической

культурой, исповедуют специфические ценности, преследуют общие интересы и жестко ограничивают себя от иных частей общества. Помимо них, вероятно, можно говорить и о еще двух.

Во-первых, о государстве «креативного класса» [Флорида, 2007]. Занятость в интеллектуальной сфере в относительно независимых от государства секторах экономики, прочные связи с западным миром обеспечивают ему некоторую автономию.

Во-вторых, о традиционном государстве, сохраняющемся в сельской местности и в несколько деформированном виде в пригородах городских агломераций. Исповедуя скорее додеревенные ценности, формирующая его часть общества, как и «креативный класс», сохраняет значительную автономию от первых трех государств, подчас мало интегрируясь в современные секторы экономики и воспроизводя на локальном уровне традиционные модели властных отношений.

Понятно, что последние два государства, в сущности, составляют оппозицию первым трем, и именно их лояльность арабские режимы на протяжении долгого времени были вынуждены покупать социальными программами, относительной автономией интеллектуальной сферы и т. д. При этом бытующее мнение о деполитизированности традиционного общества или креативного класса кажется сегодня неверным. Возможно, точнее было бы говорить о стратегиях «внеаходимости», описанных А. Юрчаком для общества позднего социализма [Юрчак, 2014]. Такие стратегии предполагают принятие политического мира на формальном уровне, даже активную вовлеченность в этот мир при одновременном его неприятии на уровне сущностном. Так, например, племенные шейхи в Алжире или Ливии могли занимать определенные государственные должности, выступая агентами власти на местах, однако в реальности источником их легитимности служили именно традиционные связи, а не государственные назначения¹. Точно так же и интеллектуалы, формально принимая существующий режим, вроде бы отказываясь от борьбы с ним, в реальности переносили свою активность на сферу гражданских отношений (например, в рамках правозащитных организаций), тем самым способствуя его ослаблению и делегитимизации.

Второе измерение фрагментации, связанное с особенностями этноконфессиональной и трайбалистской структуры арабских обществ, может быть описано через развиваемую в отечественной арабистике В.В. Наумкиным теорию глубоко разделенных обществ (ТГРО) [Наумкин, 2015].

Авторы ТГРО полагают, что источники размежевания в обществах могут быть самыми разными – от класса до клана или языка, причем чисто логически предлагаемый им перечень может продолжаться до бесконечности, доходя до разделения между гендерами или даже индивидуумами. Никаких формальных ограничений тут нет. Нет и четких критериев «глубины» разделения обществ – когда они действительно «глубоко разделенные», а когда – не очень глубоко, остается совершенно непонятным. Признавая ограниченность ТГРО и наличие в ней некоторой теоретической слабости, В.В. Наумкин [Наумкин, 2015] все же показывает интересные результаты ее применения к эмпирическому ближневосточному материалу, причем основными линиями разделения здесь оказываются именно этноконфессиональные и племенные. Яркими примерами первых могут служить такие страны, как Ливан, Сирия, Ирак, Бахрейн, Йемен, а также, хотя и в менее выраженной форме, Алжир. Трайбалистская разделенность характерна для Ливии, Ирака, стран ССАГПЗ, Йемена. Очевидно, что во многих случаях разные линии размежевания накладываются друг на друга (как в Йемене или Ливане), а бинарные деления, на которые делают акцент авторы ТГРО, не описывают всю сложность реальности.

¹ О клиентелизме в Алжире см.: [Nachemaoui, 2013].

Проблема, связанная с глубоко разделенными обществами, строго говоря, заключается не в самом факте разделенности, но в том, как он проецируется на функционирование политической системы. Если описывать последнюю через призму теории социальных порядков Д. Норта [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011], то вопрос в целом сводится, с одной стороны, к тому, насколько те или иные группы, выделяемые по этническому, конфессиональному или племенному признаку, имеют возможность получить доступ к ренте, войдя в состав господствующей коалиции, а во-вторых, до какой степени эта коалиция использует те или иные линии разделения для управления обществом. В случае со странами Благодатного полумесяца можно видеть, что, какая бы часть общества в какой бы период ни правила, все они всегда использовали этноконфессиональный фактор для осуществления власти. Социальный мир в этих странах неизменно основывался на хрупком балансе, основания которого регулярно подвергались пересмотру теми группами, которые считали себя незаслуженно отстраненными от власти.

Схожую ситуацию можно наблюдать и в трайбалистских арабских обществах, вроде Ливии или Саудовской Аравии. Ключевой функцией правителя в этих странах также оказывается сохранение баланса между племенами – баланса, который всегда может быть пересмотрен и который поддерживается прежде всего посредством признающего справедливым перераспределения ренты.

К этноконфессиональной и трайбалистской близка фрагментация по территориальному признаку. Менее заметную в повседневной общественной жизни, ее вполне можно описать через призму теории Д. Норта, хотя для ТГРО она очевидна далеко не всегда.

Обретя современную государственность в период колониализма и антиколониальной борьбы, арабские государства в большинстве своем изначально отличались высокими дисбалансами регионального развития, которые отчасти объясняются естественными (например, географическими) причинами, отчасти же – спецификой экономической географии колоний и зависимых территорий. В одних случаях дисбалансы регионального развития влекли за собой разную скорость модернизации, а следовательно, – и разную степень вовлеченности населения в политические процессы как в рамках системы колониального управления, так и в рамках национально-освободительных движений. В других (Саудовская Аравия) – возникновение государственности было связано с экспансией одной из территориальных общностей, подчинявшей себе иные регионы [Наумкин, 2018, с. 145–162]. В третьих – государство образовывалось в результате нахождения определенных балансов между несколькими регионами. Однако, как бы государственность ни формировалась, она раз за разом несла на себе отпечаток изначально существовавшего неравенства между регионами. Это выражалось в специфике формирования политических элит и контрэлит, в сверхцентрализации власти, иной раз – в систематическом подержании лидерами антагонизма между регионами.

Достаточно привести несколько примеров.

В Тунисе правящий класс в XX в. формировался почти исключительно из выходцев с побережья (Сахель) и из столицы, в то время как внутренние регионы страны становились вотчиной радикальной оппозиции – как исламистской, так и ультралевой [Ayari, 2016, p. 57–68].

В Ливии провозглашение монархии может интерпретироваться как триумф Киренаики, а приход к власти М. Каддафи в 1969 г. – наоборот, как реванш Триполитании [Ouannes, 2009, p. 59–63].

В Алжире территориальные противоречия накладывались на этнические, что проявлялось в широкомасштабных протестных движениях в Кабилии, население которой вплоть до сегодняшнего дня демонстрирует неприятие центральной власти. Характерно в этом отношении, что даже на президентских выборах 2019 г. в ряде городов Кабилии

избирательные участки не были открыты ввиду соображений безопасности [Benamara, 2020].

В Йемене важным фактором конфликтности остается противостояние Юга и Севера страны. В Саудовской Аравии речь может идти об исторических противоречиях между родиной правящей семьи и всей современной государственности Недждом и присоединенным к нему Хиджазом, элита которого оказалась оттеснена от власти [Hertog, 2015].

Подобные примеры можно множить и множить, обнаруживая все новые территориальные противоречия в одной стране за другой, однако в каждом случае мы будем встречать одно и то же: преференции, которыми пользуются представители одних регионов при вхождении в элиты и отстранение от господствующей коалиции представителей других, которые становятся источником для формирования вне- и антисистемных движений.

Наконец, четвертая линия фрагментации связана с идеологией.

Арабские государства в большинстве своем отличались высоким уровнем идеологизованности на ранних этапах своего существования. Достаточно вспомнить различные варианты арабского национализма (Египет, Сирия, Ирак и др.), страновые национализмы (бургибизм в Тунисе, концепция Великого Марокко, фараонизм в Египте и др.), социалистические эксперименты, Третью мировую теорию М. Каддафи и т.д. Однако уже к концу XX в. потенциал этих идеологий в целом был исчерпан, и в большинстве своем они сохранялись лишь как рудиментарные напоминания о генезисе того или иного режима.

Наиболее выразительно деидеологизация происходила в Египте, Тунисе, Марокко, Иордании. В Сирии (до 2011 г.) она была ограничена специфическим международным положением страны, сохранением в ней жесткого политического режима. Наиболее устойчивым элементом алжирского идеологического дискурса оставалась меморизация национально-освободительной борьбы и гражданской войны 1990-х гг. Память о первой легитимизировала элиту, а о второй служила предостережением против радикальных перемен. В Ливии, конечно, внешне сохранялась вся риторика, связанная с Третей мировой теорией. Однако содержание этой риторики в 1980–2000-е гг. было несколько раз пересмотрено, что позволило режиму Каддафи демонстрировать чрезвычайно высокую гибкость, обосновывая одними и теми же текстами и призывы к полному самообеспечению, и активное продвижение либеральных реформ [Рясов, 2008, с. 286–301].

Все это вело к тому, что к концу XX в. арабские политические режимы в подавляющем большинстве (в особенности, конечно, республики) приобрели отчетливо выраженный постмодернистский характер, когда элементы самых разных идеологических дискурсов использовались элитами для достижения прагматических целей. В совокупности с неолиберальной экономической политикой идеологическая эклектика вела к формированию общества потребления, развитие которого, однако, в отличие от стран Запада, в большинстве случаев не было обеспечено экономическим потенциалом. Результатом всех этих процессов стал серьезный ценностный кризис многих арабских социумов, растущее ощущение фрустрации (особенно в сфере семейно-брачных отношений) [El Feki, 2013, p. 278–296] и относительная депривация, ставшая в итоге одной из основных причин событий Арабской весны.

Пожалуй, единственным элементом идеологии, повсеместно поддерживавшимся арабскими лидерами, был последовательный антиисламизм и – шире – вообще неприятие крайних идеологий. Антиисламизм не означал, конечно, полного отказа от использования элементов религиозного дискурса в политической риторике или даже от имплементации норм шариата в законодательство, однако он означал последовательное неприятие исламистских партий, которым долгое время было отказано от интеграции в легальное политическое пространство. Точно таким же образом неприятие ультралевой или либеральной идеологии вполне могло соседствовать с включением отдельных их элементов в политическую практику и риторику властей.

Результатом становилась идейная разобщенность обществ, в которых исламисты, ультралевые, либералы, националисты существовали в замкнутых идейных пространствах, в сущности отстраненные от возможности реального участия во власти.

Ни одна из четырех описанных выше линий фрагментации не была порождена ни Арабской весной, ни наступившей вслед за ней глубокой трансформацией арабских государств.

Будучи заложенными в самой природе арабской государственности, в сформировавшейся в XX в. ее модели, все эти линии какое-то время подавлялись существованием мощных и ориентированных на развитие проектов развития. Однако размытие модернизационной парадигмы в конце XX – начале XXI в. лишало политические элиты той легитимности, которой они привыкли пользоваться.

Постмодернистский мир оказался слишком сложен для этих элит.

2010-е гг. – В ПОИСКАХ НЕСУЩЕСТВОВАВШИХ ЕДИНСТВ

Если рассматривать политическую трансформацию арабских обществ в 2010-е гг. в предложенной перспективе, то можно утверждать, что ключевой ее тенденцией было (и остается) стремление к преодолению тех линий фрагментации, что были обозначены ранее. Это, собственно, и позволяет говорить о неомодернизме.

Можно назвать, по меньшей мере, пять ключевых процессов, в рамках которых в арабских странах обозначился курс на преодоление собственно политической фрагментации.

Прежде всего, это массовые политические протесты, с которых началась Арабская весна и которые за прошедшее десятилетие так или иначе оказывали влияние на политическую жизнь практически всех стран региона (исключение составляют, пожалуй, только Катар, ОАЭ и отчасти Оман). Правда, что далеко не во всех случаях эти протесты приводили к позитивным результатам – гораздо чаще они либо оборачивались теми или иными формами политического насилия, либо же купировались властью. Однако, вызывая ту или иную реакцию власти, они сами по себе могут рассматриваться как форма политического участия, разрушающая традиционные линии социально-политического разделения общества.

Где-то прямым, а где-то косвенным результатом массовых движений стало изменение роли электоральных процедур в ряде арабских государств. Это относится не только к обычно приводимому в пример Тунису, но и к Марокко, Ливану, Ираку и ряду других государств. Во всех них выборы стали реальным институтом политической власти.

Другим следствием протестов оказалось укрепление институтов гражданского общества и резкое увеличение числа волонтерских организаций в некоторых государствах. Притом что эта тенденция намечалась и раньше, 2010-е годы показали практически взрывной рост НКО. Особенно яркими примерами этого процесса служат Тунис и Марокко [Кузнецов, 2018], однако он наблюдается даже в государствах, переживающих на своей территории вооруженные конфликты.

В тех случаях, когда правительство оказывалось достаточно чутким к угрозам, с которыми столкнулась политическая система, оно могло идти на довольно серьезные реформы. В некоторых случаях они носили декоративный характер и мало влияли на конфигурацию политического пространства, однако в других были очень значимыми. Ярким примером этого служат реформы Мухаммеда бин Салмана в Саудовской Аравии. Будучи направленными на модернизацию государства, они одновременно становятся инструментом обретения властью новой легитимности и расширения ее социальной базы [Косач, 2019].

Наконец, в тех странах, где ситуация развивалась по наиболее негативному сценарию и оборачивалась вооруженными конфликтами, мы также можем говорить о коренном изменении традиционных линий политической фрагментации. Вооруженный конфликт ведет к формированию новых политических субъектов, в деятельность которых оказываются вовлечены люди, изначально далекие от политического участия. В некоторых случаях (Ливия, Йемен) это вело к частичному разрушению ткани государственности, в других – к ее радикальному изменению. Ни один из конфликтов до сих пор не завершен, однако вполне очевидно, что ни в одном из случаев после его завершения нельзя будет говорить о восстановлении той социально-политической системы, что существовала в этих странах ранее.

Таким образом, обретение новых единств в собственно политической плоскости, означающая разрушение устоявшихся линий размежевания, может вести как к попыткам выстраивания новых вертикальных связей, так и к формированию принципиально новых субъектов политической жизни и распаду изначально фрагментированного, но все же единого политического организма на несколько внутренне интегрированных сообществ.

Что касается преодоления фрагментации по этно-конфессиональному или племенному признаку, то, будучи актуальным для большинства государств региона, ярче всего этот процесс проявляется в странах Машрика.

Понятно, что в ходе вооруженных конфликтов, в которых племенные, этнические или конфессиональные идентичности становятся важными элементами консолидации и мобилизации групп, существующие между ними границы определяются чрезвычайно выпукло [Petersen, 2002, p. 30]. Это, однако, не означает отсутствия тренда к новому единству. Оно может быть обретоно по меньшей мере тремя путями: через изменение межгруппового баланса, через сепаратизм или через национальную гражданскую консолидацию.

Ярким примером первого случая служит Сирия, в которой конфликт привел к принципиальному изменению этноконфессиональной структуры общества, росту в нем алавитского и христианского элементов и снижению доли суннитского населения, переставшего быть абсолютным большинством, что убедительно показывают расчеты К.М. Труевцева [Труевцев, 2018]. Кроме того, как и ранее во время гражданской войны в Ливане, произошло относительное территориальное размежевание различных этноконфессиональных групп, каждая из которых стала проявлять тенденции к консолидации на «своей» земле, о чем со всей очевидностью свидетельствует опыт сирийских курдов.

Определенная тенденция к упрощению этноконфессиональной мозаики за счет вымывания (или физического уничтожения) некоторых ее элементов обнаруживается также в Ираке, который столкнулся с полным искоренением целого ряда миноритарных групп [Beyond ISIS..., 2019], и в Египте, численность христианской общины которого в начале 2010-х гг. резко снизилась [Matika, 2013].

В некоторых случаях речь может идти об этническом или конфессиональном сепаратизме. Самый известный пример такого рода – Иракский Курдистан, однако в таком же качестве могут рассматриваться и создававшееся лишь для одной конфессиональной группы ИГ² в тех случаях, когда оно обретало собственную территорию, а также фактически самоуправляемые территории этнических меньшинств в Ливии.

Наконец, в 2019 г. мир стал свидетелем движений новой национальной консолидации в Ливане и Ираке. Охватившие эти страны протесты имеют подчеркнуто надконфессиональную основу и могут интерпретироваться как проявление стремления к обретению единства на гражданской основе [Serhan, 2020].

² Организация запрещена в России.

Несколько иначе в странах региона решается вопрос с пересмотром устоявшихся линий территориальной фрагментации. Здесь наблюдается два ключевых процесса – децентрализации и федерализации.

Процессы децентрализации (*аль-лямарказийя*) декларируются едва ли не во всех государствах региона, однако лишь в некоторых из них обретают реальную значимость. В некоторых случаях (Тунис) они связаны с нарушением извечного табу на обсуждение неравенства регионов, в других же служат скорее превентивной мерой, предпринимаемой властью.

Тема децентрализации стояла во главе угла избирательной кампании Абдельфаттах ас-Сиси в 2014 г. [Tonsy, 2017], а в новой египетской конституции ей оказалось посвящено несколько статей.

В других случаях на повестке дня оказывается не децентрализация, а федерализация речь, которая рассматривается как спасительный механизм в ситуации угрозы распада государственности (Ливия, Йемен). Каждый раз речь здесь идет о перенесении на те или иные страны иракского опыта, что, в сущности, означает не развитие тонких инструментов демократии, но нахождение нового баланса сил между локальными элитами и расширение их доступа к ренте. Достаточно напомнить в связи с этим, что нефтяная рента в Ираке, согласно конституции, делится между тремя регионами пропорционально численности населения.

Наконец, третье измерение фрагментации – идеологическое. Отсутствие или слабая выраженность идеологической составляющей в протестных движениях 2011 г. хорошо известна, и вроде бы вполне вписывается в общемировой постмодернистский тренд снижения роли политических идеологий [Руденкин, Логинов, 2018].

Однако вскоре после начала протестов 2011 г. ситуация изменилась. Ключевой темой общественно-политической жизни всех стран Арабской весны в 2011–2013 гг. стало противостояние исламистского и светского проектов развития обществ. В одних случаях оно проявлялось в соперничестве политических партий, в других – в дискуссиях о конституционных реформах, в третьих – в вооруженной борьбе. И пусть в каждом конкретном случае оно может быть описано и совсем в иных категориях, например как борьба элит и контрэлит, инструментализирующих религиозную повестку, однако факт остается фактом – вопрос об отношении религии и политики самими обществами воспринимался как ключевой в это время.

Практически во всех странах в результате был найден компромисс, а исламистские партии того или иного толка оказались интегрированными в политические системы. Вопрос о цивилизационном выборе не решился окончательно (и вряд ли такое вообще возможно), однако на какое-то время был снят с повестки дня.

Возвращение идеологии, однако, на этом не закончилось. Упомянутый ранее курс на национальную консолидацию сопровождается везде и повсюду усилением националистического дискурса, что особенно сильно проявляется в религиозной политике. Обращение к национальной традиции исповедания веры становится официальной линией в Тунисе, Египте, Саудовской Аравии и других странах региона³ [Feur, 2019, p. 24–27]. В некоторых случаях возвращение идеологии носит явно консервирующий характер – таков пример Алжира с его все еще популярным тьермондизмом.

Другим важным элементом идеологического строительства оказалась разработка стратегий национального развития – вроде саудовского «Видения 2030», призванных нарисовать образ будущего для молодого поколения граждан. Эти планы лишены масштаб-

³ В позитивном ключе о страновом патриотизме высказывается даже генеральный секретарь Всемирной Исламской Лиги доктор Мухаммед аль-Иса – организации, ранее считавшейся одним из основных инструментов «салафитского интернационала»

ности образов, предлагавшихся великими идеологиями XX в., однако, порожденные технократическим веком, они ему адекватны. В совокупности с националистической риторикой они создают ту идеологию, которая соответствует условиям неомодерна – не мечта о халифате, коммунизме или арабском братстве, но дорожная карта развития на ближайшие десятилетия.

ВЫВОДЫ

Как можно видеть, ставший привычным тезис о необыкновенной фрагментации арабских обществ и государств сегодня, по меньшей мере, может быть поставлен под сомнения. Конечно, фрагментированность сохраняется, однако она более не может рассматриваться как ключевая черта региональной реальности. Напротив, повсюду мы видим набирающие мощь, идущие на самых разных уровнях и в разных измерениях процессы поиска новых единств, принципиально отличных от тех, что были сформированы в середине XX в.

Этот поиск означает не возрождение общественной или политической реальности былых времен, как не означает он автоматического снижения уровня насилия или моментального повышения эффективности управления. Напротив, он сопровождается конфликтами, трагедиями, болезненным разрушением привычного мира. Новые единства могут выстраиваться как через создание механизмов, связывающих разрозненные элементы существующих структур, размывание границ между ними, либо же – напротив – через полное разрушение этих структур и формирование на их месте новых.

Единства эпохи неомодерна отличаются от модернистских ограниченностью и подвижностью. Как бы ни восстанавливались идеологии, они не смогут претендовать на тотальность. Как бы ни укреплялись национальные государства и ни совершенствовались системы управления, им все равно придется иметь дело с все более автономными субъектами. Как бы ни конкурировали между собой этно-конфессиональные, племенные и гражданские идентичности, всем им придется сосуществовать в единых пространствах.

Все это имеет некоторые как теоретические, так и практические следствия.

В теоретическом плане результаты проведенного исследования становятся очередным элементом формирующейся сегодня концепции неомодерна.

В практическом же – эти результаты можно воспринимать как указание на направление дальнейших изысканий. Они демонстрируют, что сегодня, вероятно, было бы контрпродуктивным рассуждать о том, как преодолеть социально-политическую фрагментацию арабских обществ: она в любом случае будет преодолена. Однако думать о том, как сделать новые единства максимально устойчивыми, как не допустить формирования в них зерен новых фрагментаций, смысл имеет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бауман З. Спор о постмодернизме. *Социологический журнал*, 1994. Т. 10, № 4. С. 69–80 [Bauman Z. The Debate on Postmodernism. *Sotsiologicheskii Zhurnal*. 1994. Vol. 10, No. 4. Pp. 69–80 (in Russian)].

Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос, 2005 [Bauman Z. *The Individualized Society*. Moscow: Logos, 2005 (in Russian)].

Белоброва О.Д. Социальная фрагментация как сущностный феномен дифференциации. *PolitBook*. 2016. № 4. С. 56–64 [Belobrova O.D. Social Fragmentation as Essential Phenomenon of Differentiation. *PolitBook*. 2016. No. 4. Pp. 56–64 (in Russian)] <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-fragmentatsiya-kak-suschnostnyy-fenomen-differentsiatsii> (accessed 23.02.2020).

Джеймисон Ф. *Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма*. М.: Институт Гайдара, 2019 [Jameson F. *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Moscow: Institut Gaidara, 2019 (in Russian)].

Закария Ф. *Будущее свободы*. М.: Ладомир, 2004 [Zakaria F. *The Future of Freedom*. Moscow: Ladomir, 2004 (in Russian)].

Ильин М.В. Структурные параметры неблагополучия государств. *Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности*. Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2011 [Ilyin M.V. Structural Parameters of Poor Development of Nations. *Asymmetry of World Sovereignty System: Areas of Problematic Statehood*. Ilyin M.V., Kudryashova I.V. (eds.) Moscow: MGIMO-University, 2011(in Russian)].

Косач Г.Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 4. С. 59–67 [Kosach G.G. Saudi Arabia: Transformation of Leadership and Politics. *World Economy and International Relations*. 2019. Vol. 63, No. 4. Pp. 59–67 (in Russian)].

Кузнецов В.А. Парадоксы развития арабских политических систем. *Вестник МГИМО-Университета*. 2018. № 5 (62). С. 23–48 [Kuznetsov V.A. Arab Political Systems: Paradoxes of Development. *MGIMO Review of International Relations*. 2018. No. 5(62). Pp. 23–48 (in Russian)].

Лиотар Ж.Ф. *Состояние постмодерна*. М.: Алетейя, 1998 [Lyotard J.F. *La condition postmoderne: rapport sur le savoir*. Moscow: Aletheia, 1998 (Russian translation)].

Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие и внешнее вмешательство. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2015. № 1. С. 66–95 [Naumkin V.V. Deeply Fragmented Societies of Middle East: Conflict, Violence and Foreign Intervention. *Bulletin of Moscow State University. Series 25. International Relations and World Politics*. 2015. No. 1. Pp. 66–95 (in Russian)].

Наумкин В.В. *Несостоявшееся партнерство*. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами. М.: ИВ РАН, Издательство «Аспект Пресс», 2018 [Naumkin V.V. *The Unrealized Partnership*. Soviet Diplomacy in Saudi Arabia between the World Wars. Moscow: IOS RAS, Izdatel'stvo Aspekt Press, 2018 (in Russian)].

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки*. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011 [North D., Wallis J., Winegast B. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2011(in Russian)].

Павлов А.В. *Философия культуры в постпостмодернизме: критический анализ*. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М.: Институт философии РАН, 2019 [Pavlov A.V. *Philosophy of Culture in Post-Postmodernism: The Critical Analysis*. Doctoral Thesis in Philosophy. Moscow: Institute of Philosophy RAS, 2019 (in Russian)].

Руденкин Д., Логинов А. Идеология в обществе позднего модерна: исчезновение или трансформация? *Социологическое обозрение*. 2018. Т. 17, № 3. С. 202–205 [Rudenkin D., Loginov A. Ideology in Late Modernity: Disappearing or Transforming? *Russian Sociological Review*. 2018. Vol. 17, No. 3. Pp. 202–205 (in Russian)].

Рясов А.В. *Политическая концепция М. Каддафи в спектре «левых взглядов»*. М.: ИВ РАН, 2008 [Ryasov A.V. *Muammar Gaddafi's Political Concepts within the Spectrum of "Left Position"*. Moscow: IOS RAS, 2008 (in Russian)].

Труевцев К.М. Сирийский конфликт: конфессиональные лозунги и демографические последствия. *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 16: Арабский мир в русле текущей политики*. М.: ИВ РАН, 2018. С. 225–239 [Truevtsev K.M. The Syrian Conflict: Religious Slogans and Demographic Consequences. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of RAS. Issue 16: Arab World in the Mainstream of Current Politics*. Moscow: IOS RAS, 2018. Pp. 225–239 (in Russian)].

Труевцев К.М. Ближний Восток: будущее прогнозируем. Но что нас ждет завтра? *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. 22.02.2020 [Truevtsev K.M. Middle East: We Can Predict the Future, but what Awaits Us Tomorrow? *Mezhdunarodny Diskussionny Klub "Valdai"*. 22.02.2020 (in Russian)] https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/blizhniy-vostok-budushchee-sprognoziруем/?fbclid=IwAR3Ql78CYWaOwCT3PVXDOS3Y_888qturFbnlZKMkRFjre1_9oMubH6_o36Q (accessed: 22.02.2020).

Флорида Р. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007 [Florida R. *The Rise of the Creative Class*. Moscow: Izdatel'ski Dom "Klassika-XXI", 2007].

Фукуяма Ф. *Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке*. М.: АСТ, 2006 [Fukuyama F. *State-Building: Governance and World Order in the 21st Century*. Moscow: AST, 2006 (in Russian)].

Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось*. М.: Новое литературное обозрение, 2014 [Yurchak A. *Everything was Forever, until it was no more*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014 (in Russian)].

Akopov S.V. Krivokhizh S.V. *Symbolic Representations of "Sovereignty" in Modern Political Discourse* (Comparative Analysis of Contemporary Discourse from France, USA, Russia and China). Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2019.

Ayari M. *Le prix de l'engagement politique dans la Tunisie autoritaire. Gauchistes et islamistes sous Bourguiba et Ben Ali (1957–2011)*. Paris–Tunis: IRMC-Karthala, 2016.

Benamara A. Kabylie: «Dans ma commune, j'ai fermé moi-même le bureau de vote». *Liberation*. 9.12.2020. https://www.liberation.fr/planete/2019/12/09/kabylie-dans-ma-commune-j-ai-ferme-moi-me-me-le-bureau-de-vote_1768243 (accessed: 28.02.2020).

Beyond ISIS: History and Future of Religious Minorities in Iraq. London: Transnational Press, 2019.

Farsoum S.K. Class Structure and Social Change in the Arab World. *Arab Society. Class, Gender, Power, and Development*. Cairo: The American University in Cairo Press, 2006.

El Feki S. *Sex and the Citadel. Intimate life in a Changing Arab World*. New York: Anchor Books, 2013.

Fukuyama F. What Follows the End of History? Identity Politics. *The Chronicle of Higher Education*. August 27, 2018. <https://www.chronicle.com/article/What-Follows-the-End-of/244369> (accessed: 28.02.2020).

Feur S. *Course Correction. The Muslim World League, Saudi Arabia's Export of Islam, and Opportunities for Washington*. Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 2019.

Hachemaoui M. *Clientélisme et patronage dans l'Algérie Contemporaine*. Paris: IREMAM, 2013.

Hertog S. The political economy of regional development in post-World War II Saudi Arabia. *Saudi Arabia in Transition: Insights on Social, Political, Economic and Religious Change*. New York: Cambridge University Press, 2015. Pp. 97–124. http://eprints.lse.ac.uk/67532/1/Hertog_Political%20economy_2016.pdf (accessed: 28.02.2020).

Kuznetsov V. Western Asia and North Africa in the Neo-Modernity Context. *Russia in Global Affairs*. <https://eng.globalaffairs.ru/number/Western-Asia-and-North-Africa-in-the-Neo-Modernity-Context--19992> (accessed: 28.02.2020).

Matika A. Copts and Queens. *Arab American Institute*, 17 June 2013. <https://www.aaiusa.org/copts-and-queens> (accessed: 28.02.2020).

Ouannes M. *Militaires, élites et modernisation dans la Libye contemporaine*. Paris: L'Harmattan, 2009.

Petersen R. *Understanding Ethnic Violence: Fear, Hatred and Resentment in Twentieth Century Eastern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Serhan Y. The Nationalist Movements Against Sectarian Politics. *The Atlantic*. 30 October 2020. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2019/10/new-nationalist-movements-iraq-and-lebanon/601021/> (accessed: 28.02.2020).

Tonsy S. Territory and Governance: the Arab Republic of Egypt between Two Historical Political Actors. *L'année du Maghreb*. 2017. No. 16. Pp. 127–137. <https://journals.openedition.org/anneema-ghebre/3001> (accessed: 28.02.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУЗНЕЦОВ Василий Александрович – кандидат исторических наук, зав. Центром арабских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Vasily A. KUZNETSOV, PhD (History), Head of Center on Arabic Studies, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia.